

Джек Лондон

Голиаф

Джек Лондон

Голиаф

«Public Domain»

1908

Лондон Д.

Голиаф / Д. Лондон — «Public Domain», 1908

«В 1924 году, утром 3 января жители Сан-Франциско прочитали в местных газетах любопытное письмо, которое получил Вальтер Бессэт и которое, очевидно, было написано каким-нибудь шутником. Вальтер Бессэт был одним из королей промышленности на западе Соединенных Штатов и принадлежал к той небольшой группе лиц, которая фактически управляла судьбами целой нации, хотя имена этих лиц были почти неизвестны публике. Будучи такой влиятельной личностью, Бессэт получал бесчисленное количество писем, но это письмо так отличалось от всех других писем подобного рода, что он, вместо того чтобы бросить его в корзину, передал письмо репортеру...»

Содержание

Джек Лондон

Голиаф

* * *

1

В 1924 году, утром 3 января жители Сан-Франциско прочитали в местных газетах любопытное письмо, которое получил Вальтер Бессэт и которое, очевидно, было написано каким-нибудь шутником. Вальтер Бессэт был одним из королей промышленности на западе Соединенных Штатов и принадлежал к той небольшой группе лиц, которая фактически управляла судьбами целой нации, хотя имена этих лиц были почти неизвестны публике. Будучи такой влиятельной личностью, Бессэт получал бесчисленное количество писем, но это письмо так отличалось от всех других писем подобного рода, что он, вместо того чтобы бросить его в корзину, передал письмо репортеру. В конце письма стояла подпись: «Голиаф», а в постскриптуме значился адрес: «Остров Пальгрэйв». Оно было следующего содержания:

*«Мистеру Вальтеру Бессэту.
Милостивый государь!*

Я приглашаю вас вместе с девятью вашими коллегами, королями промышленности, прибыть ко мне на остров для обсуждения вопроса о переустройстве общества на более разумных началах. До сих пор развитие общества шло по слепому, бесцельному, ложному пути. Наступило время для перемен. Человек уже вышел из первобытного состояния и подчинил себе природу, но он до сих пор не создал себе разумного общественного порядка. Человек в наши дни является таким же рабом своего глупого общества, как тысячи лет назад он был рабом природы.

Существуют две теории, на основании которых человек может создать новое общество и воспользоваться им как разумным и сильным орудием в стремлении к достижению счастья и веселья.

Первая теория выставляет положение, что правительство не может быть лучше и умнее того народа, который выбирает это правительство, что реформы и преобразования должны исходить от самого народа, что поскольку отдельные личности становятся лучше и умнее, постольку и правительство становится лучше и умнее, — словом, что большинство народа должно сделаться лучше и умнее, тогда и правительство сделается лучше и умнее. Реакционные политические взгляды, грубая животность и тупое невежество всякой человеческой толпы обнаруживают всю ложь этой теории. В толпе общий уровень познания и доброты находится в зависимости от наименее сознательных и наиболее грубых членов этой толпы. С другой стороны, во время бури на море тысяча пассажиров вручает свою судьбу мудрости и благоразумию капитана. В этом случае он является самым разумным среди них, обладая наибольшим опытом.

Другая теория выставляет положение, что большинство народа безынициативно, что оно подчиняется существующему порядку, что правительство, которое является представителем большинства, воплощает только его слабость, его ничтожество, его грубую сторону, что

¹ Голиаф – по библейскому сказанию – знаменитый филистимлянский великан, убитый в единоборстве из пращи Давидом.

правительство не является слугой народа, но что народ является рабом правительства, – словом, не народ влияет на правительство, а правительство – на народ, и что правительство есть и всегда было тупым и страшным чудовищем.

Я лично склоняюсь на сторону второй теории. К тому же я не обладаю терпением. В течение жизни многих тысяч поколений, начиная с первых общественных групп наших предков-дикарей, правительство всегда было чудовищем. В наши дни угнетенные массы менее веселы и радостны, чем когда бы то ни было. Несмотря на завоевание человеком природы, мир омрачен человеческими страданиями, болезнями и нуждой.

Поэтому я решил вмешаться в дела человечества и намерен временно стать капитаном мирового корабля. Я обладаю познаниями и широким взглядом искусного эксперта. У меня также есть достаточно силы.

Мне должны во всем повиноваться. Народы всего мира должны будут исполнять мои приказания и так составлять свои правительства, чтобы они были творцами веселья и счастья. Эти образцовые правительства, которые я имею в виду, не будут делать людей счастливыми, разумными и благородными посредством указов, но они дадут народу возможность самому стать счастливым, разумным и благородным.

Я сказал все, что нужно. Я пригласил вас и девять ваших коллег на совещание со мной. 3 марта яхта «Энергон» выйдет из Сан-Франциско. Вам предлагается прибыть на яхту накануне вечером. Все это говорится вполне серьезно. Миру необходима на время сильная рука. Этой сильной рукой являюсь я. Если вы не откликнетесь на мое приглашение, вас ожидает смерть.

Говоря откровенно, я не надеюсь, что вы примете мое приглашение, но ваша смерть за непослушание заставит послушаться тех, кого я приглашу после вас. Таким образом, ваша смерть не будет бесцельной. И, пожалуйста, запомните, что мне чужда глупая сентиментальность во взгляде на ценность человеческой жизни. Я всегда помню о тех бесчисленных миллиардах людей, которые будут наслаждаться счастьем и радостью в том прекрасном грядущем, которое ожидает их.

*Ваш во имя преобразования общества **Голиаф**».*

Опубликование этого письма не возбудило любопытства даже среди местного населения. Быть может, лицо читателя озарялось улыбкой при чтении его, но было ясно, что оно написано каким-нибудь любителем шуток и не заслуживает того, чтобы о нем говорить. Интерес к нему пробудился лишь на следующее утро. Благодаря телеграфу, распространившему весть об этом письме по всей Америке, а также вследствие пронырливости газетных репортеров, стали известны имена остальных девяти королей промышленности, которые, получив подобные же письма, сочли их настолько незначительными, что не хотели опубликовать. Но интерес к этому случаю скоро заглух бы совершенно, если бы один карикатурист в остроумной карикатуре не изобразил Голиафа в виде претендента на президентский пост. Вслед за этой карикатурой появилась песня, которую американцы распевали повсюду, и у которой был такой припев:

Не зевайте, не зевайте!

Вас поймает Голиаф.

Прошло несколько недель, и об этом случае все забыли. Забыл о нем и Вальтер Бессэт. Но 22 февраля он был вызван к телефону инспектором порта.

– Я хотел только сообщить вам, – сказал инспектор, – что в наш порт прибыла яхта «Энергон» и бросила якорь возле дамбы № 7.

Что произошло в ту ночь, Вальтер Бессэт никогда не рассказывал. Известно только, что он отправился на автомобиле в порт, где сел на баркас, доставивший его на борт странной яхты. Известно также, что когда он через три часа вернулся на берег, то немедленно отправил пачку телеграмм своим девяти коллегам, получившим, как и он, письма от Голиафа. Все эти телеграммы были следующего содержания:

«Яхта „Энергон“ прибыла. Тут что-то есть. Советую явиться».

Телеграмма вызвала лишь общий смех по адресу Бессэта. Она была опубликована, и популярная песенка о Голиафе возродилась и сделалась еще более популярной. Голиафа и Бессэта изображали на бесчисленных рисунках и карикатурах, причем Голиафа рисовали в виде водяного, оседлавшего Бессэта. Смех раздавался в клубах и общественных собраниях, звучал в передовицах газет и превращался в гомерический хохот в юмористических еженедельниках. Но многим, особенно компаньонам Бессэта, было не до смеха, так как они начинали сомневаться в здравом рассудке Бессэта.

Бессэт не любил долго возиться с одним делом и, послав вторую пачку телеграмм своим коллегам, которая тоже была встречена смехом, замолчал.

Последний раз он телеграфировал:

«Я вас умоляю – приезжайте. Если вам дорога жизнь, – приезжайте».

Поручив дела на время своего отсутствия компаньону, вечером 2 марта Бессэт был уже на борту «Энергона». Яхта снялась с якоря на следующее утро. И в то же утро все газеты в городе напечатали экстренный выпуск.

Голиаф сдержал свое слово. Девятерых королей промышленности, не принявших его предложения, постигла смерть. Самые опытные в стране врачи, вскрывавшие тела убитых миллионеров, сообщили, что смерть последовала от какого-то быстрого разложения тканей тела, но врачи не осмелились заявить, что короли промышленности убиты. И еще меньше они были склонны прийти к заключению, что миллионеры «пали от руки неизвестных». Смерть была слишком загадочной и поставила врачей в тупик. Их вера в науку была поколеблена.

В своих ученых книгах они не могли отыскать ни малейшего намека на то, как анонимное лицо с острова Пальгрэйв могло убить бедных джентльменов.

Однако одно обстоятельство выяснилось очень скоро, а именно, что остров Пальгрэйв не миф. Он обозначен на карте и прекрасно известен всем мореплавателям. Находится он на сто шестидесятом градусе западной долготы, как раз в том месте, где его пересекает десятый градус северной широты, и всего лишь в нескольких милях от островка Дианы. Подобно островам Мидуэй и Фаннин, остров Пальгрэйв одинок и по своему образованию принадлежит к коралловым островам. Кроме того, он необитаем. Капитан судна, производивший его обследование в 1887 году, в своем докладе писал, что на острове находится несколько родников, и что он имеет хорошую естественную гавань, подход к которой, однако, связан с большой опасностью. Вот все, что было известно об этой ничтожной пылинке земли, которой суждено было со временем приковать к себе внимание всего мира.

Голиаф хранил молчание до 24 марта. Но в этот день утренние газеты напечатали второе его письмо, копию которого получили десять главных политиков Соединенных Штатов, выдающиеся вожди политического мира, которых принято называть «государственными мужами». Письмо это гласило:

«Милостивый государь!

Я не намерен тратить слов понапрасну. Мне должны повиноваться.

Вы можете считать это приглашением или приказом, но если вы хотите еще шагнуть по земле и веселиться, вы должны быть на борту яхты «Энергон» в гавани Сан-Франциско не позже 5 апреля. Я желаю, чтобы вы приняли участие в конференции о переустройстве общества на более разумных началах, которая состоится на острове Пальгрэйв.

Во избежание недоразумений, я скажу вам, что всецело предан своей теории. Но я хочу, чтобы эта теория оказалась приложимой к жизни, и поэтому приглашаю вас для совместной работы. В этой моей теории я орудую с массами, а отдельные жизни являются для меня пешками. Я имею дело с тысячами и миллионами жизней. Я стремлюсь к установлению на земле счастья и радости, и те, кто будет стоять на пути к этой цели, должны погибнуть. Эта работа – не простая игра. Нашу планету в настоящее время населяет более полутора тысяч миллионов людей. Что значит ваша отдельная жизнь по сравнению с этими жителями? По моей теории – ничего. И еще помните, что за мною сила. Помните, что я основываюсь на науке, и что одна жизнь или миллион жизней для меня ничего не значат, когда я думаю о тех миллиардах миллиардов человеческих жизней, которым еще предстоит жить на земле. Чтобы они могли пользоваться счастьем и радостью, я теперь должен перестроить общество, и ваша мизерная жизнь – ничто по сравнению с этими миллиардами жизней.

Кто обладает силой, тот может повелевать себе подобными. Благодаря той военной выдумке, которая известна под именем фаланги, Александр Македонский завоевал немалую часть земли². Благодаря химическому изобретению, известному под именем пороха, Кортес с несколькими сотнями головорезов покорил империю Монтезумы. У меня тоже есть собственное изобретение. В течение каждого столетия делается не менее полдюжины важных открытий и изобретений. Я сделал важное открытие, которое даст мне возможность овладеть целым миром. Я буду пользоваться этим открытием не для коммерческих целей или эксплуатации, а для блага всего человечества. Для достижения этой цели мне нужна помощь, услужливые и послушные помощники, и у меня достаточно силы, чтобы заставить людей служить мне. Я избираю кратчайший путь, хотя и не спешу. Я не смешиваю быстроту с поспешностью.

*Побуждения материального характера послужили развитию человека из дикаря в полуварвара, каким он является сегодня. Эти побуждения были очень полезны в развитии человечества, но они уже сделали свое дело, и их место в мусорном ящике. Конечно, ваше мнение несходно с моим, но я не вижу причин, почему вы не должны принять участие в том, чтобы выбросить этот анахронизм в мусорный ящик. Я должен сообщить вам, что уже наступило время, когда человек может получать пищу и жилище без всяких усилий, так же свободно, легко и просто, как воздух. Это станет возможным благодаря моему открытию и той силе, которую это открытие дало мне. И раз пища, одежда и жилище сделаются легко доступными всем, стремление к материальным выгодам исчезнет из мира навсегда. Побуждения высшего рода – эстетические и художественные – захватят человечество и сделают прекрасными тело человека, его ум и дух. Тогда во всем мире настанет время счастья и радости. Это будет царство всеобщего счастливого смеха. Ваши в ожидании этого дня **Голиаф**».*

² Фаланга – плотно сомкнутый строй тяжело вооруженной пехоты в виде четырехугольника из нескольких рядов. Фаланга была известна древним грекам задолго до Александра Македонского. Построение фаланги было улучшено отцом Александра, Филиппом. В руках гениального полководца и политика Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.) фаланга была лишь одним из орудий, которым он умело пользовался для достижения своих целей.

И все-таки никто не хотел верить. Десять политиков находились в Вашингтоне и не имели возможности убедиться, как убедился Бессэт, и никто из них не позаботился отправиться в Сан-Франциско. А Голиафа газеты провозгласили вторым Томом Ляусоном с его панацеей от всех бед. Нашлись еще специалисты по душевным болезням, которые после исследования писем Голиафа заявили, что он просто сумасшедший.

Яхта «Энергон» прибыла в гавань Сан-Франциско 5 апреля, и Бессэт сошел на берег. Но «Энергон» не снялся с якоря на следующий день, так как ни один из приглашенных политических деятелей не явился, чтобы отправиться на конференцию на остров Пальгрэйв. Однако в тот же день во всех городах Америки газетчики надрывали глотки, выкрикивая сенсационное сообщение: «Экстренный выпуск. Смерть десяти политических вождей».

Яхта, мирно стоявшая на якоре в гавани Сан-Франциско, сделалась центром общего внимания. Ее окружала целая флотилия лодок и баркасов, а пароходики сновали беспрестанно между яхтой и берегом. В то время как толпа не допускалась на яхту, представителям власти и даже репортерам разрешалось всходить на борт «Энергона». Городской голова Сан-Франциско и начальник полиции сообщили, что на яхте нет ничего подозрительного, а портовая администрация заявила, что необходимые документы в полном порядке. Газеты были заполнены описаниями яхты и снимками с нее.

Команда, как сообщили газеты, состояла главным образом из скандинавов – белокурых, голубоглазых шведов, суровых норвежцев, бесстрастных финнов, – и небольшого числа американцев и англичан. Писали, что команде совершенно несвойственна какая бы то ни было живость, проворство, что она состоит из грузных мужчин, в высшей степени прямых, честных и серьезных, но странно печальных. Они казались людьми без нервов и страха, как будто ими управляла какая-то сверхъестественная сила. Капитан – американец с широким, открытым лицом и грустными глазами – изображался в газетах как «печальный гусь» (герой-пессимист юмористических журналов).

Некоторые капитаны признали в «Энергоне» яхту «Скэд», принадлежавшую некогда нью-йоркскому яхт-клубу. При проверке оказалось, что действительно яхта «Скэд» исчезла бесследно несколько лет назад. Продавший ее агент заявил, что покупатель был также агентом, которого он никогда не встречал до покупки и не видел после нее. Яхта была перестроена заново на корабельных верфях Деффи в Нью-Джерси и надлежащим образом зарегистрирована под новым названием. И затем «Энергон» бесследно и таинственно исчез.

Тем временем Бессэт сходил с ума, или, по крайней мере, так говорили его друзья и дельцы, с которыми ему приходилось иметь дело. Он совершенно забросил свои дела и заявил, что будет работать над переустройством общества. Это, несомненно, служило доказательством его ненормальности. С репортерами он был скуп на слова и говорил, что не может опубликовать сведений о том, что он видел на острове Пальгрэйв, но уверял, что все это очень серьезно, что это серьезнее всего, что когда-либо случалось на земле. В заключение он заявил, что весь мир находится накануне переворота, – к добру или ко злу, он не мог сказать, но, во всяком случае, был совершенно уверен в том, что переворот неизбежен. Что же касается его личных дел и интересов, то он послал их к черту. Он теперь понял нечто важнейшее, и больше ему ничего не надо.

Все это время происходил усиленный обмен телеграммами между местными властями и министерствами военных и внутренних дел в Вашингтоне. Было вынесено тайное решение проникнуть на борт «Энергона» и арестовать капитана, предъявив ему, как предложил главный государственный советник, обвинение в убийстве десяти «государственных мужей». Многие лица видели, как однажды после полудня из гавани отошел баркас с представителями власти, держа курс по направлению к «Энергону», но ни этого баркаса, ни находившихся на нем людей больше никто никогда не видел. Правительство хотело обойти молчанием это событие,

но семьи без вести пропавших распространили слухи о нем среди публики, чем, конечно, не преминули воспользоваться газеты, подхватывавшие различные версии и предположения.

После этого правительство решило прибегнуть к крайним мерам. Дредноуту «Аляска» был отдан приказ захватить странную яхту, а если это оказалось бы почему-либо невозможным, то потопить ее.

Все это происходило втайне, но многочисленные толпы скопившихся на берегу и в гавани людей были свидетелями того, что произошло в тот день.

Дредноут развел пары и медленно подвигался к «Энергону». На расстоянии мили от него дредноут взорвался, – просто взорвался, больше ничего, – и быстро пошел ко дну. На поверхности плавало лишь несколько обломков, за которые хватались погибающие. Между спасшимися находился молодой лейтенант, заведовавший на «Аляске» беспроволочным телеграфом. На него сразу набросились репортеры, и он рассказал следующее:

– Не успела «Аляска» пройти и полпути, как с «Энергона» нами была получена телеграмма. Она была передана в общепринятых международных условных знаках и предупредила «Аляску» не подходить ближе чем на полмили. Я немедленно сообщил об этом капитану. Не знаю, что было дальше, знаю только, что «Энергон» два раза предупреждал нас, и что минут через пять после второго предупреждения произошел взрыв.

Капитан «Аляски» погиб вместе с дредноутом, и поэтому более подробных сведений было получить нельзя.

Вслед за этим «Энергон» немедленно снялся с якоря и ушел в море. Газеты подняли невообразимый шум. Правительство обвиняли в трусости и нерешительности, на него нападали за то, что оно не могло справиться с простой увеселительной яхтой и с сумасшедшим, называющим себя Голиафом, и требовали принятия решительных мер. В печати был поднят страшный вопль по поводу гибели стольких человеческих жизней, и особенно оплакивалась преждевременная кончина десяти «государственных мужей».

На это немедленно последовал ответ Голиафа. В сущности, ответ последовал так быстро, что эксперты беспроволочного телеграфа заявили, что ответ ни в коем случае нельзя было послать по беспроволочному телеграфу, и что, следовательно, Голиаф находился не на острове Пальгрэйв, а где-то поблизости. Письмо Голиафа было доставлено в бюро информации печати мальчиком-курьером, которому это было поручено на улице. Голиаф писал:

«Что значат несколько ваших ничтожных жизней? В ваших безумных войнах вы губите миллионы людей, совершенно об этом не думая. В вашей братоубийственной коммерческой борьбе из-за золота убиваете бесчисленное множество детей, женщин и мужчин, и вы победоносно называете подобную бойню „индивидуализмом“. Я называю это анархией. Я должен прекратить это безумное массовое уничтожение человеческих жизней. Я не хочу войны и убийств, я хочу радости и веселья, но те из вас, кто будет стоять на пути к общему счастью и радости, будут убиты.»

Ваше правительство хочет изобразить дело так, что «Аляска» погибла от случайной причины. Так знайте же, что она погибла по моему приказанию. В течение нескольких ближайших месяцев все военные суда на всех морях будут взорваны, и все народы разоружатся. Крепости будут скрыты с лица земли, армии распущены, и войны на земле прекратятся навсегда. У меня хватит для этого сил. Все страны будут покорены мною, но после покорения наступит всеобщий мир.

Голиаф».

«Необходимо немедленно взорвать на воздух этот проклятый остров Пальгрэйв!» – вопили передовицы газет. Правительство было того же мнения и отдало приказ флоту быть

готовым. Вальтер Бессэт выступил с протестом, но его быстро заставили замолчать, пригрозив сумасшедшим домом. Голиаф хранил молчание. Против острова Пальгрэйв были направлены огромные морские силы – азиатская эскадра, северо-тихоокеанская эскадра, эскадра Карибского моря и половина северо-атлантической эскадры. Две последних прибыли через Панамский канал.

«Имею честь донести, что мы увидели остров Пальгрэйв вечером 29 апреля, – писал капитан броненосца „Северная Дакота“, Джонсон, военному министру. – Азиатская эскадра запоздала и прибыла только утром 30 апреля. Немедленно же состоялось совещание адмиралов, на котором было решено повести атаку на следующее утро. Миноносец „Быстрый“ скрытно обследовал остров и донес, что на нем не видно никаких военных сооружений. В гавани находилось лишь несколько торговых пароходов, да на берегу виднелась небольшая деревушка, которую в одно мгновение можно было уничтожить огнем.

Было решено, что все суда, построившись боевым порядком, направятся к острову и на расстоянии трех миль откроют ураганный огонь, поддерживая его все время, пока не подойдут к острову вплотную. С острова мы все время получали по беспроволочному телеграфу предупреждения не подходить ближе чем на десять миль, но этим предупреждениям не придавалось никакого значения.

«Северная Дакота» не могла принять участие в этой атаке по причине происшедшей накануне незначительной поломки в машине. Утром первого мая стояла ясная и тихая погода. Дул легкий юго-восточный ветерок. «Северная Дакота» находилась от острова в двенадцати милях. По данному сигналу все эскадры полным ходом двинулись на остров со всех сторон. Радиотелеграф все время получал с острова предупреждения. Суда перешли границу, указанную Голиафом, и ничего не случилось. Я следил в бинокль за происходящим. На расстоянии пяти и четырех миль от острова суда шли благополучно. На расстоянии трех миль «Нью-Йорк», находившийся во главе эскадры, открыл огонь. Но он сделал всего один выстрел – и взлетел на воздух. Другие суда не стреляли. Одно за другим они начали взрываться у нас на глазах. Некоторые повернули обратно, чтобы избежать страшной участи, но им не удалось спастись. Миноносец «Стрела» успел отойти от острова почти на десять миль, но и он взлетел на воздух. Он был последним. «Северной Дакоте» не было причинено никакого вреда, и, так как поломка была исправлена, я в ту же ночь отдал приказ взять курс на Сан-Франциско».

Если мы скажем, что Соединенные Штаты были поражены, то этим обнаружим лишь слабость и бедность нашего языка. Весь мир был поражен. Это было что-то беспрецедентное, неслыханное. Человеческий ум не мог ничего понять. Достижения и завоевания человеческого ума становились глупой шуткой, чудовищной насмешкой, если какой-то сумасшедший с одинокого острова, владевший простой яхтой и небольшой деревушкой, оказался в состоянии уничтожить один из величайших флотов, составлявших гордость всего мира.

Каким образом он это мог сделать? Никто ничего не знал. Ученые вопили, плакали и посыпали пеплом голову. Они ничего не могли понять. Военные эксперты десятками кончали самоубийством. Могучий военный аппарат, придуманный и взлелеянный ими, становился тонкой паутиной, которую рвал на части какой-то сумасшедший. Их разум не мог этого постигнуть. Подобно колдуну, покорившему дикаря непостижимым для него магическим фокусом, Голиаф своей таинственной силой покорила мир. Но как он это делал? Это был ужасный вопрос, стоявший перед миром и пугавший его.

Но не весь мир был поражен. Было одно исключение – островная империя Япония. Опьяненная успехом, глубоко веря в свою восходящую звезду, смеясь над крушением науки и гордясь своей расой, Япония готовилась к войне. Флот Америки был уничтожен. Воинственные предки из могилы обращали свои взоры на Японию и призывали ее к войне. Ниспосланный самим богом благоприятный момент наступил. Микадо должен был победить дракона и стать земным богом.

Морские военные чудовища Японии были спущены с цепи. Завоевать Филиппинские острова было так же легко, как ребенку сорвать цветок. Чтобы добраться до Гавайских островов, Панамы и Тихоокеанского побережья, потребовалось немного времени. Соединенные Штаты были охвачены паникой; образовалась сильная партия, требовавшая мира на каких угодно условиях. Во время всей этой тревоги в Сан-Франциско прибыл «Энергон», и Голиаф еще раз обратился с письмом к народу. При входе «Энергона» в залив Сан-Франциско взорвалось несколько пороховых погребов, и взрывами были разрушены укрепления на берегу. Красивый фейерверк представился глазам зрителей, когда взрывались подводные мины у Золотых Ворот. Послание Голиафа к народу Сан-Франциско было напечатано во всех газетах.

«Вы хотите мира? Вы его получите. Я уже говорил об этом раньше. Но и вы должны меня оставить в покое. Не трогайте моего „Энергона“. Если вы хоть чем-нибудь повредите ему, в Сан-Франциско не останется камня на камне.

Пусть все граждане-друзья соберутся завтра на холмах, что спускаются к морю. Приходите с музыкой, смехом и цветами. Устройте праздник в честь грядущего нового века. Будьте на этих холмах как дети и будьте очевидцами конца войны. Не забудьте же присутствовать при этом зрелище. Последний раз вы увидите то, что отныне можно будет видеть лишь в музеях древности. Приходите. Это будет день радости и веселья.
Голиаф».

Какое-то безумие носилось в воздухе. Народу представлялось, что бог и его законы повергнуты в прах, хотя небо и оставалось еще на месте. Порядок и закон исчезли с лица земли, хотя солнце все еще изливало свою благодать, ветер играл листвою деревьев, и цветы издавали благоухание. Это было поразительно. Было чудом, что вода все еще течет в сторону уклона. Все устои человеческого разума и человеческих достижений рассыпались прахом. Одна только вещь оставалась устойчивой – это Голиаф, сумасшедший с острова Пальгрэйв.

На следующий день все население Сан-Франциско пестрой веселой гурьбой отправилось на холмы, спускавшиеся к морю. Впереди толпы шли оркестры.

Море застлало густые облака дыма, выходявшие из труб сотни вражеских военных судов, выстроившихся против беззащитных, беспомощных Золотых Ворот. Хотя, впрочем, не совсем беззащитных, потому что в Золотые Ворота пришел «Энергон», маленькая белая игрушка, качавшаяся, как соломинка, на морских волнах. Но японцы были осторожны. Их суда в тридцать и сорок тысяч тонн приостановили ход милях в шести от Золотых Ворот, неуклюже маневрируя, в то время как небольшие суда-разведчики шли прямо к Золотым Воротам и они казались огромными. «Энергон» казался мечом архангела Михаила, а они – властителями ада.

Народ Сан-Франциско, собравшийся на холмах, не видел взмаха меча. Таинственно, невидимо он прорезал воздух и нанес такой удар, какого еще не видел мир. Население Сан-Франциско увидело только, как японский флот в полтора миллиона тонн взлетел к небу, а затем в виде огненного дождя посыпался в море. Все было кончено в пять минут. На море остался один «Энергон», как игрушка, качавшийся на разбушевавшихся волнах.

Голиаф обратился к микадо и его министрам. Это была обыкновенная телеграмма, отправленная по кабелю из Сан-Франциско капитаном «Энергона», но ее было вполне достаточно, чтобы Япония немедленно очистила Филиппины и убрала остатки своего флота с моря.

Сомневающаяся Япония была обращена. Она почувствовала силу Голиафа. И она покорно подчинилась, когда Голиаф приказал ей по частям разобрать свои военные суда и использовать металл для полезных дел. Во всех портовых доках, мастерских, литейных заводах тысячи желтолицых ремесленников превращали военные чудовища в мириады полезных

предметов, как, например, плуги (Голиаф особенно настаивал на плугах), автомобили, детали для мостов, телефона и телеграфа, рельсы, локомотивы и все, что нужно для железных дорог.

Следующий призыв Голиафа относился к десяти выдающимся ученым Соединенных Штатов. На этот раз все явились без малейшего промедления. Ученые оказались до смешного исполнительными. Некоторые из них приехали в Сан-Франциско задолго до назначенного времени. Они отплыли на «Энергоне» 15 июня и возвратились с острова Пальгрэйв 6 июля. Большие наряды полиции охраняли их от репортеров. В одном официальном интервью, которое было разрешено правительством, они заявили, что не видели Голиафа, но говорили с ним и кое-что узнали. Им не было разрешено ясно излагать, что они видели и слышали, но они заявляли, что в мире произойдет полная революция.

Голиаф сделал необыкновенное открытие, которое отдавало на его милость весь мир, и хорошо еще, что Голиаф был милостив.

Ученые мужи специальным поездом проследовали прямо в Вашингтон, где они в течение многих дней совещались с представителями правительства, в то время как народ изнывал от нетерпения в ожидании результатов.

Но результатов совещания пришлось ждать очень долго. Из Вашингтона президент давал приказы в разные страны. Все держалось в тайне. Изо дня в день в Вашингтон являлись делегации от банкиров, железнодорожных магнатов, королей промышленности и разных государственных чиновников и сенаторов. Эти делегации оставались в Вашингтоне. Прошло несколько недель, а затем с 25 августа началось знаменитое опубликование постановлений. Конгресс и сенат работали вместе с президентом, а верховные судьи утверждали их постановления. Финансовые тузы и короли промышленности на все давали свое согласие. Прежде всего была объявлена война капиталистам – хозяевам всей страны, – и повсеместно введено военное положение. Президент был облечен высшей властью.

По всей стране был запрещен детский труд. Был опубликован декрет, а армии отдан приказ поддержать его, если потребуется, вооруженной силой. Затем в тот же день на фабриках и заводах были рассчитаны все женщины, а все мелкие предприятия, эксплуатировавшие рабочих, закрыты.

– Ну, теперь пропали наши барыши! – вопили мелкие хозяйчики.

«Глупцы, – отвечал им Голиаф. – Разве жизнь заключается в барышах? Бросьте вашу торговлю и погоню за барышами».

– Но кто же купит наши предприятия? – продолжали они вопить.

«Разве жизнь заключается в том, чтобы продавать и покупать? – отвечал Голиаф. – Не нужно продавать. Передайте правительству свои предприятия, и правительство создаст правильную и регулярную организацию производства».

На следующий день был опубликован декрет о передаче в руки правительства всех фабрик, заводов, рудников, железных дорог и земель.

Национализация средств производства и распределения пошла быстрым темпом. Некоторые капиталисты пытались организовать сопротивление. Их моментально арестовывали и отправляли на остров Пальгрэйв. Возвратившись оттуда, они во всем соглашались с правительством. Впоследствии в этих экскурсиях на остров Пальгрэйв не было необходимости. Если кто-нибудь сопротивлялся, ему заявляли: «Так приказал Голиаф», – а это означало: ты должен немедленно повиноваться.

Короли промышленности были поставлены во главе предприятий. Оказалось, что инженеры, например, работали для правительства с таким же успехом, как раньше для частных владельцев, и что люди с большими творческими силами не могли насиловать свою природу. Они не могли отказаться от проявления своего творчества, как краб не может не ползать, а птица – не летать. Поэтому все силы человека, которые тратились прежде для достижения эгоистического благополучия, теперь прилагались к труду для блага всего общества.

Совместными усилиями пяти-шести главных инженеров-железнодорожников удалось организовать единую железнодорожную сеть в государстве, оказавшуюся в высшей степени продуктивной. Инженеры не были железнодорожными магнатами с Уолл-Стрит, но они были раньше слугами магнатов с Уолл-Стрит.

Уолл-Стрит замерла. Прекратились купля, продажа, и спекуляция. Никто ничего не продавал и не покупал. Нечем было спекулировать.

– Заставьте биржевых игроков работать, – сказал Голиаф, – пусть они учатся полезным ремеслам. Дайте также работу и разным приказчикам, коммивояжерам и агентам.

И тысячи и десятки тысяч бесполезных прежде посредников и паразитов занялись полезным делом. Четыреста тысяч праздных «джентльменов», живших раньше на свои «доходы», теперь стали работать. Кроме того, на всяких высоких постах было много бесполезных людей, которых немедленно выгнали работавшие вместе с ними их прежние сотрудники. К этим господам принадлежали и профессиональные политиканы, привыкшие только интриговать да брать взятки. Теперь взяточничество прекратилось. Так как больше не существовало частных интересов, для которых необходимы особые привилегии, законодателям никто не предлагал взятки, и они впервые начали издавать законы для народа. В результате во главе законодательства стали самые честные, самые способные люди в стране.

Благодаря такой разумной организации общества были достигнуты поразительные результаты. Во всем государстве был проведен восьмичасовой рабочий день, но производство увеличилось. Несмотря на то, что государство много тратило сил на постоянные улучшения и нововведения, а также на приведение в порядок всего того хаоса, который остался от прежнего строя, производство увеличилось в два-три раза. Люди начали питаться, одеваться и пользоваться предметами роскоши в большем размере, чем раньше, и все-таки потребление не могло угнаться за производством. Рабочий возраст был установлен от 18 до 48 лет. Восьмичасовой рабочий день был заменен семичасовым, а затем, по прошествии нескольких месяцев, пятичасовым.

В то же время начали обнаруживаться кое-какие указания на то, как действовал Голиаф, чтобы взять управление миром в свои руки. То здесь, то там выявлялась какая-нибудь мелочь, приоткрывавшая завесу. События, которые, на первый взгляд, казалось, не имели никакого отношения друг к другу, теперь соединялись и кое-что объясняли в прошлом. Вспоминали о случаях кражи чернокожих в Африке, о заключенных контрактах с китайскими и японскими кули, которые затем бесследно исчезли, о набегах на одинокие острова Южных морей, жители которых куда-то увозились. Говорили о тех яхтах и торговых пароходах, которые приобретались какими-то таинственными лицами, и затем исчезали, причем добавляли, что суда, которые возили китайцев, японцев и африканцев, имели кое-что общее с исчезнувшими яхтами и пароходами. Возник вопрос: каким образом Голиаф достиг такой силы? Эксплуатацией труда всех этих украденных им рабочих?

Предполагали, что это был труд тех, кто жил в деревушке на острове Пальгрэйв. Благодаря их труду можно было купить яхты и пароходы и дать возможность агентам Голиафа проникать во все слои общества и выполнять его волю. Но какие же предметы производились этими людьми, дав возможность Голиафу накопить богатство и все то, что ему было необходимо для осуществления его планов? Газеты заявляли, что это были радий, и радиит, и радиозол, и аргазий, и аргит, и таинственный голит (который играет теперь такую важную роль в металлургии). То были новые соединения, открытые в первом десятилетии XX века и нашедшие себе широкое применение в науке и промышленности во втором десятилетии.

Говорили, что те суда, которые возят фрукты между Гавайскими островами и Сан-Франциско, принадлежат Голиафу. Это было лишь предположение, основанное на том, что владельцы этих судов не знали, так как во главе их стояли простые агенты. А раз не было хозяина у этих судов, значит, они принадлежали Голиафу.

Все эти предположения оказались правильными, как показало будущее. Через несколько лет все рабочие Голиафа стали известны Международному Правительству, которое оказало им великие почести и назначило пенсию. В это же время печать молчания была снята с уст агентов и высших комиссаров, и некоторые из них поведали очень многое об организации и методах Голиафа. Но те, кто руководили разрушением, остались немые навсегда. Кто выполнял по приказу Голиафа убийства высокопоставленных лиц, осталось неизвестным: убийства производились при помощи той утонченной и тогда еще таинственной силы, которую открыл Голиаф и которую он назвал «энергон».

Но в то время об энергоне, которому было суждено перевернуть весь мир, еще никто не знал. Знал о нем только Голиаф, и это была его тайна. Даже те его помощники, которые были вооружены этим средством и которые с яхты «Энергон» уничтожили могущественный военный флот, взорвав на военных судах пороховые погреба, даже они не знали, что это было за средство и как оно изготовлялось. Они только знали об одном из его многочисленных применений, которому их научил Голиаф. Теперь уже прекрасно известно, что радий, радиит, радиозол и другие химические соединения были побочными продуктами при добывании Голиафом энергона из солнечных лучей; но в то время никому еще не было известно, что такое энергон, и Голиаф упорно продолжал держать весь мир в благоговейном ужасе.

В декабре 19.. года Голиаф выпустил свое знаменитое «рождественское послание», некоторые выдержки из которого мы здесь приводим:

«До сих пор я больше всего внимания уделял Соединенным Штатам, хотя в то же время старался не допустить войн и между другими народами. Но не я ввел разумный общественный строй в Соединенных Штатах. Я только старался помочь народу ввести у себя такой строй. И в настоящее время в Соединенных Штатах гораздо больше веселья, радости и смеха, чем раньше, и в то же время больше разумности. Пищу, одежду и жилище все получают уже не при помощи прежнего анархического метода, но почти без всякого труда. Особенно ценно, что народ Соединенных Штатов сам достиг этого. Я повторяю, – он достиг этого сам. Моя помощь выразилась лишь в том, что я вселил страх смерти в сердца небольшого числа лиц, находившихся на высоких постах и мешавших торжеству разума и радостной жизни. Страх смерти заставил их сойти с дороги и дать возможность людям проявить свой разум и свои знания для разумного общественного устройства.

В настоящем году я намерен заняться и другими странами света. Я наполню страхом смерти сердца высокопоставленных лиц всех народов. И они принуждены будут последовать примеру Соединенных Штатов, – сойти с дороги и очистить место для разумного общественного устройства. Все народы пойдут по тому пути, на который вступили Соединенные Штаты.

И когда все нации полностью stanут на этот путь, я преподнесу им подарок. Но сначала они сами должны расчистить себе путь. Они должны наглядно показать, что современный человеческий разум и знание, соединенные с той механической силой, которая находится в распоряжении человека, вполне могут создать общество на таких началах, что пища, одежда и жилище будут обеспечены человеку почти без труда, что труд уменьшится до трех часов в день и что радость, веселье и смех воцарятся во всем мире. И когда это будет достигнуто не моими усилиями, а разумом человечества, тогда я подарю человечеству новый способ применения механической энергии. Это и есть мое изобретение. Энергон – это новая сила. Это не что иное, как космическая энергия, заключающаяся в солнечных лучах. Когда человечество овладеет ею, оно заставит ее производить работу

для всего мира. Тогда больше не будет ни громадных армий, ни шахтеров, губящих свою жизнь в недрах земли, ни пропитанных сажеей кочегаров, ни засаленных механиков. Все смогут тогда носить белые платья, если это им будет нравиться. Труд делается игрой, и молодые и старые будут радостны и веселы, как дети, вся жизнь будет радостью. Люди будут стремиться к достижению в других, не материальных областях, проявляя свои силы в живописи, поэзии, вообще в искусстве, в играх и в разумных спортивных состязаниях. Они будут вступать в соревнование друг с другом не ради презренного металла и материальных побуждений, но ради той радости, которую им доставят сила и крепость их тела, утонченность и изящество их духа. Все сделаются кузнецами общего счастья, и труд людей будет состоять в том, чтобы ковать радость и смех на звонкой наковальне жизни.

И еще одно слово о ближайшем будущем. В день Нового года все нации разоружатся, военные флоты будут превращены в полезные суда, крепости уничтожены, и армии распущены.

Голиаф».

В день Нового года весь мир разоружился. Были распущены по домам бесчисленные миллионы солдат, матросов и рабочих, которые находились в постоянных армиях, флотах, в многочисленных арсеналах, на военных заводах и фабриках. Эти бесчисленные миллионы людей, равно как и пожиравший огромные средства военный аппарат, содержались усиленным трудом рабочих всего мира. Все они принялись за полезное дело, и освобожденный великан – труд первый раз за всю историю человечества вздохнул свободно.

До сих пор девяносто процентов всех преступлений были преступлениями против частной собственности. С уничтожением частной собственности и с организацией промышленности на таких началах, что каждому был открыт широкий доступ к труду, преступления против собственности прекратились. Полицейские силы повсеместно сокращались. Не было причин для преступлений, и люди изменились вместе с изменением жизненных условий. Небольшое число преступников было помещено в больницы, где их подвергли особому лечению, а врожденные, безнадежные преступники были отделены от остального общества. Также и судебные учреждения во всех странах постепенно уменьшались в своем размере. Девяносто пять процентов всех гражданских дел до сих пор состояли из споров из-за собственности: споры из-за имущества, тяжбы, духовные завещания, нарушение контрактов и сделок, банкротства и т. д. С исчезновением частной собственности исчезли и все эти судебные процессы. Суды превратились в тени, в какие-то привидения, в пережиток времен анархии – до появления Голиафа.

19.. год был веселым годом в мировой истории. Сильной рукой Голиаф правил миром. Короли и императоры производили экскурсии на остров Нальгрэйв, где им показывали чудеса энергона, и с ужасом смерти в душе возвращались они в свои страны и отрекались от тронов, от корон, и от наследственных прав.

Когда Голиаф обращался к политикам (так называемым «государственным мужам»), они повиновались – или... умирали. Он диктовал мировые реформы, разгонял непослушные парламенты, а денежные тузы и короли промышленности, пытавшиеся устраивать заговоры, погибали от руки его агентов.

«Прошло время для глупостей, – говорил он. – Вы – анахронизм. Вы стоите на пути человечества. Отправляйтесь в мусорный ящик!»

Тем, кто протестовал, – а таких было много, – он говорил:

«Теперь не время для болтовни. Вас не переслушаешь и за сто лет. Вы болтали в прошлом. А у меня нет для этого времени. Прочь с дороги!»

За исключением прекращения войн и составления в общих чертах плана дальнейших работ, Голиаф ничего не сделал. Запугав страхом смерти всех тех, кто занимал высокие посты

и мешал прогрессу, Голиаф дал возможность освобожденному разуму лучших общественных мыслителей проявить себя во всей полноте. Голиаф предоставил этим мыслителям всю громадную работу по переустройству общества. Он хотел, чтобы они доказали, что в состоянии это сделать, и они доказали. Только благодаря их усилиям и их работе навсегда было покончено с сифилисом. Благодаря им и несмотря на многочисленные протесты со стороны чувствительных людей, все те, у кого оказались в опасной форме врожденные духовные или физические недостатки, были изолированы от остального общества, и им не разрешалось вступать в брак.

Голиаф совершенно не был причастен к учреждению института изобретений. Эта мысль родилась почти одновременно в умах многих тысяч мыслителей. Время уже созрело для осуществления этой идеи, и везде появились замечательные институты изобретений. Впервые изобретательность человеческого ума была направлена к тому, чтобы упростить и облегчить жизнь, а не к тому, чтобы побольше получить денег. Такие работы, как содержание в чистоте дома, мытье окон и посуды, удаление пыли, стирка белья, благодаря различным техническим изобретениям были упрощены, а затем стали легко и быстро выполняться машинами. Теперь мы даже не можем себе представить ту грязную и рабскую обстановку, в которой жили люди до того времени.

Мысль о едином международном правительстве была другой мыслью, одновременно родившейся в умах многих тысяч людей. Осуществление этой идеи для многих явилось неожиданностью, но еще большей неожиданностью для разных кротких протестантов-социологов и биологов было то, что неопровержимые факты опрокинули учение Мальтуса³. Несмотря на то, что у людей было много досуга, что их пища, одежда и жилище были во много раз лучше, чем раньше, что они обладали огромными возможностями для развития своего тела и духа, – несмотря на все это, рождаемость пала, и пала поразительно. Люди перестали плодиться, как животные. И еще важнее было то, что рождающиеся были крепче и красивее, чем раньше. Учение Мальтуса было заброшено в мусорный ящик, как выразился бы Голиаф.

Голиаф предсказывал, что человеческий разум с механической энергией к его услугам сможет совершать чудеса. Так и случилось. Недовольство почти исчезло с лица земли. Обыкновенно ворчунами бывают старики; но когда общество, после того, как кончался установленный срок рабочих лет, отстраняло стариков от работы, давая им в то же время возможность жить в тех же условиях, что и раньше, – громадное большинство не становилось теперь ворчунами. Им на старости лет было гораздо лучше при новом строе, они пользовались большим спокойствием и большим комфортом, чем в то время, когда были молоды и должны были тяжело трудиться при прежнем строе. Более молодое поколение быстро освоилось с новыми порядками, а дети совсем не знали ничего о тяжком прошлом.

Счастья на земле стало во много раз больше, чем раньше. Жизнь стала повсеместно радостной и разумной. Даже старые глупые профессора-социологи, всеми силами противившиеся вначале введению нового порядка, теперь замолчали. Их вознаграждение было во много раз больше, чем раньше, причем им не приходилось тяжело работать. Они усердно занялись исправлением учебников по социологии. Правда, изредка встречались остатки прошлого, существа с большими зубами и огромными когтями, которые жалели о том «индивидуализме», когда можно было есть мясо и пить кровь своих ближних. Но на таких людей смотрели как на больных и отправляли их в клиники. Небольшое число их, однако, оказалось неизлечимым, и таких пришлось изолировать и запретить им вступать в брак. Таким образом, после них не оставалось потомства, которое могло бы унаследовать их атавистические свойства.

³ Роберт Мальтус – английский экономист (1766–1834). Главный его труд – «Опыт о народонаселении», в котором он пытался установить так называемый закон народонаселения, согласно которому население Земли имеет склонность возрастать в геометрической прогрессии, в то время как средства пропитания могут расти лишь в арифметической. Этим несоответствием Мальтус пытался объяснить все социальные беды.

С течением времени Голиаф отказался от управления миром. Ему нечем было управлять. Мир управлялся сам собой, и делалось это без всяких трений и потрясений.

В 1937 году Голиаф преподнес миру давно обещанный им подарок в виде энергона. Голиаф придумал тысячи применений энергона и сделал это достоянием всех. Но институты изобретений нашли еще многие тысячи применений. На самом деле, как сознался сам Голиаф в своем письме в марте 1938 года, институты изобретений разъяснили ему несколько особенностей энергона, которые были непонятны ему самому. С введением применения энергона двухчасовой рабочий день был уменьшен почти до нуля. Труд действительно сделался игрой, как предсказывал Голиаф. И так велика была производительность человека, благодаря разумному применению энергона, что самый скромный гражданин пользовался благами земли в гораздо большей степени, чем самый привилегированный при прежнем строе.

Но никто никогда не видел Голиафа, и люди начали просить своего спасителя показаться им. Хотя мир высоко ценил Голиафа за изобретение энергона, но еще больше ценили этого мыслителя за его широкий кругозор, за его социальные идеи. Его считали сверхчеловеком, сверхчеловеком науки, – и люди страстно желали увидеть его.

Наконец, в 1940 году, преодолев свои колебания, Голиаф покинул остров Пальгрэйв и 6 июня прибыл в Сан-Франциско. Мир в первый раз увидел его лицо. И мир был разочарован. Воображение людей создало из Голиафа героическую фигуру. Его считали необыкновенным человеком, каким-то полубогом, перевернувшим всю планету. Завоевания Александра Македонского, Цезаря и Наполеона казались детской игрой в сравнении с его достижениями.

На набережную Сан-Франциско вступил старичок небольшого роста, лет шестидесятипяти, хорошо сохранившийся, со свежим цветом лица и с небольшой лысиной. Он был близорук и носил очки. Когда он снимал очки, его смешные голубые глаза светились как у ребенка, выражая какое-то удивление. Иногда они блестели, и на лице появлялись гримасы, как будто Голиаф смеялся над той огромной шуткой, которую он разыграл в мире, сделав человечество, против его воли, счастливым и радостным.

У Голиафа было много слабостей, и это трудно было соединить с представлением о нем как о сверхчеловеке науки и как о тиране мира. Он любил сладкое, и ему очень нравился соленый миндаль. Он всегда носил с собой пакетик с миндалем, говоря, что организм его требует именно миндаля. Но самой большой его слабостью была боязнь кошек. У него всегда было непреодолимое отвращение к этим домашним животным. Однажды он упал в обморок во время речи во Дворце Братства, когда кошка управляющего дворцом вошла на трибуну и стала тереться о его ногу.

Как только он показался миру, немедленно была установлена его личность. Прежние его друзья без особенного труда узнали в нем некоего Персиваля Штульца, американского немца, который в 1898 году работал на машиностроительном заводе и в течение двух лет состоял секретарем Международного Братства Машинистов. В 1901 году, когда ему было двадцать пять лет, он поступил на специальные научные курсы в Калифорнийском университете и служил в то же время агентом по так называемому «страхованию жизни». О нем в университете сохранились воспоминания, которыми нельзя было особенно похвастаться. Профессора особенно отмечали его рассеянность. Нет сомнения, что уже тогда в его голове бродили великие идеи, которые он впоследствии осуществил.

То, что он назвал себя Голиафом и облекся тайной, было просто шуткой с его стороны, как он впоследствии заявлял. В образе Голиафа или чего-нибудь в том же духе он был в состоянии поразить воображение людей и перевернуть весь мир, – как он говорил, но как Персиваль Штулец, с небольшими бакенбардами, в очках и весом пятьдесят девять кило, он не мог бы перевернуть даже зернышка соленого миндаля.

Однако мир быстро оправился от своего разочарования внешностью Голиафа и его прошлой жизнью. Мир знал и почитал его как величайшего человека всех веков и любил его ради

его самого. Любил его за смешные близорукие глаза, за его неподражаемые гримасы, за его простоту, душевность, товарищеское отношение к людям, за его склонность к соленому миндалю и за его отвращение к кошкам.

И теперь в чудесном городе Азгарде поднимается к небу в честь Голиафа величественный памятник, перед которым пирамиды и все древние, обрызганные кровью, монументы кажутся карликами. И на этом памятнике, как всем известно, прибита огромная бронзовая доска, на которой написано следующее осуществившееся пророчество:

«Все сделаются кузнецами общего счастья, и труд людей будет состоять в том, чтобы ковать радость и смех на звонкой наковальне жизни».

(От издательства. Это замечательное произведение – работа Гарри Бэквита, ученика Лоуэльской средней школы в Сан-Франциско; оно публикуется главным образом по причине юного возраста автора. Мы далеки от намерения обременять наших читателей событиями древней истории, но, узнав о том, что Гарри Бэквиту было всего лишь пятнадцать лет, когда он написал вышеуказанный труд, они поймут мотивы, руководившие нами. В 2254 году среди сочинений в школе «Голиаф» был удостоен особой премии, а в прошлом году Гарри Бэквит получил за это сочинение стипендию, будучи выбранным для поездки на полгода в Азгард. Богатство исторических деталей, атмосфера времени и зрелый стиль столь молодого автора заслуживают быть отмеченными особо).